

Папка № 25.

- без даты.

Записка проф. Я.М.Бровцева, представленная в русские общественные организации в Париже, о политике советского правительства.

Ссылочные данные отсутствуют.

2 501,1 2 . 73-80

Сопровождающий к материалам общественной организации
Учред. в Париже

УМН

Архив ИНО ОГПУ

"Белая эмиграция"
Т. 2. 1933 г.
Л. 73-80.

Последняя юта советского правительства, несомненно, вызовет
обсуждение мнений между иностранными правительствами, к которым она
обращена. Хотя могут быть достаточные основания предполагать, что
большинство из них ответят на новое внушение советской вла-
сти с естественным недоверием и скептицизмом, как к простому
предложению, так и к предложению, приспосабливая предполо-
жению, на ином, конечно, за собой ничего реального
и, кроме всего, рассчитанному на получение, при посредстве предлагаемой
в нем международной конференции, новой агитационной трибуны по отно-
шению к нагнетанию массам, через голову их правительств, — все же не
обходимо быть готовым, так на основании уже излагаемого в этом отно-
шении опыта, также и к тому, что со стороны некоторых, по крайней
мере, государств отношение к предложению советской власти о призна-
нии ее старших долгов может быть не столь категорически отрицатель-
ным. Вопрос этот слишком долго стоял в центре политического вни-
мания и представляет для иностранных правительств, действительно,
слишком большую важность, чтобы можно было предположить вероятность
советского отказа их входить по этому поводу в какие-либо перегово-
ры с советской властью, тем более, что такой отказ был бы и беспосле-
дственным по отношению к искреннему желанию, которое всегда привлекалось
ему большинством этих правительств. У истоку, весьма важно было бы
ориентировать их прежде всего, наиболее важные предстоящих перегово-
рах с тем таким образом, чтобы не только не создалось для советской

УУУУ / 2.

власти возможность достигнуть ее вероятной цели придания этим переговорам действительного характера, при котором она могла бы, или затягивая в них иностранцев, продолжать свою политику постепенного приучения их к себе, или, так сказать, приручения, или же просто пользоваться переговорами для своих агитационных целей, рисуясь, по своей обыкновенной, перед народными массами, через головы их правительства своими демагогическими выступлениями, - но, напротив того, с самого же начала выленить всю не реалистичность каких бы то ни было надежд получить от России, при советской власти, какие бы то ни было долги или иные материальные выгоды, на которые не переставать рассчитывать иностранцы.

Нѣтъ сомнѣнiя, что иностранныя правительства, конечно, не примутъ заявленiя советскаго правительства лишь на вѣру и, нѣчто, видѣя тутъ, съ своей стороны, вопросъ о необходимыхъ для его обезпеченiя гарантiяхъ. Менѣе дальновидныя изъ нихъ, быть можетъ, способны будутъ въ этомъ ограничиться только вопросомъ о гарантiяхъ экономическихъ, въ смыслѣ предоставленiя имъ, въ порядкѣ концессiй или въ видѣ залога, дѣтъхъ или иныхъ естественныхъ богатствъ Россiи, между тѣмъ какъ, въ дѣ-

х/ Въ частности, по вопросу о признанiи долговъ советская власть, какъ это достоверно извѣстно пишущему настоящiя строки, предполагаетъ выступить съ предложенiемъ объ удовлетворенiи лишь бѣднѣйшихъ держателей русской ренты и совершенно серьезно намѣрено предъявить требованiе о допущенiи, при этомъ, въ иностранныхъ государствахъ представителей ее, съ советской власти "для контроля", для участiя въ опредѣленiи въ данномъ отношенiи правъ того или иного держателя ренты, едва ли, конечно, надѣясь на возможность удовлетворенiя подобныхъ требованiй, но, во всякомъ случаѣ, рассчитывая произвести ими лишнiй разъ впечатлѣнiе и укрѣпить въ народныхъ массахъ представленiе о советской власти, какъ объ истинно-единственной хранительницѣ и предстательницѣ ихъ интересовъ.

ствительности, при томъ политическомъ режимѣ, который, господствуя въ настоящее время въ Россіи, подвергаетъ всю страну въ состояніе полнѣйшаго апатія и маразма, нельзя даже и думать о разработкѣ этихъ богатствъ руками русскаго рабочаго и крестьянина. Доставка же для этой цѣли иностранныхъ рабочихъ, даже если бы къ этому и была фактическая возможность и если бы наклись въ ихъ средѣ охотники къ этому, представляло бы собой цѣлѣ рядъ опасностей: и съ той точки зрѣнія, что рабочіе эти могли бы стать жертвами коммунистической пропаганды, и съ той точки зрѣнія, что если бы они къ этой пропагандѣ оказались невосприимчивыми, пришлось бы охранять ихъ отъ возможныхъ по отношенію къ нимъ со стороны совѣтской власти инцессовъ или вообще примененія къ нимъ тѣхъ порядковъ, которые въ нынѣшней Россіи считаются нормальными; и съ той точки зрѣнія, что пришлось бы считаться съ неизбежно враждебнымъ къ нимъ, если они будутъ работать, отношеніемъ со стороны мѣстнаго русскаго населенія, которое не работаетъ, в т.д. и т.д. А все это неизбежно должно было бы влечь за собою необходимость ихъ реальной активной охраны, которая не могла бы быть видена "интервенціоннаго" характера, со всеми тѣми гибельными послѣдствіями которые, какъ это случилось короче уже теперѣ известно, влечетъ за собою интервенція, при небезопасности ея конечнаго благоприятнаго исхода.

"Анжъ" обещанъ, и гарантіи собственно экономическія не могутъ не выдаться въ зависимости отъ обѣда политическаго положенія, и, конечно, говоря о болѣе правды представляется, поэтому, тотъ путь на который, по плану правительства С.-і татовъ, вступилъ и послѣдній пресельская коніе мѣсія, выдвинулъ, хотя и не въ первомъ очередь, необходимость организационныхъ политическихъ работъ, безъ которыхъ, гдѣ-мѣется, невозможны такія и финансія экономическія гарантіи. Честная крупная отъшатательная сторона всеподфранскихъ гарантіи политическаго

УУУ/У 4.

порядка желается, однако, в том, что, во-первых, осуществление реформ, даже если бы и можно было предположить ^{собрать} волю к тому со стороны советского правительства, не может, конечно, послужить с тем достаточной быстротой, и даже если бы это "правительство" и издало сотни новых декретов, прямо противоположных тем, какие издавались еще в неслыханном обилии в первые месяцы его деятельности, было бы все же, конечно, крайне неосторожно верить, в то, что эти декреты могли бы сейчас же оказать свое действие, в особенности, в тех условиях, когда население, совершенно извернувшись в какой бы то ни было по отношению к последовательности реформ политики советской власти даже ^{если} когда она действует без внешнего принуждения, не будет иметь уверенности, что новая политика, проводимая в силу такого принуждения, не может быть в любую минуту снова извернута в совершенно противоположном опять направлении. Но и помимо этого, те гарантии, о которых идет здесь речь, т.е. требования об осуществлении тех или иных политических реформ, и имеют еще и тот, прежде всего, крупный недостаток, что осуществление это должно проводиться руками самого же советского правительства, а это последнее уже слишком много раз доказало свое лицемерие и недобросовестность, чтобы можно было предоставить ему же это дело с какой бы то ни было надеждой на успех. Невольно возникает, поэтому, опять-таки та же мысль о необходимости какой-либо новой "гарантии этих гарантий", которая могла бы, например, теоретически выразиться в проекте установления внутри самой России иностранного контроля за осуществлением тех или иных предполагаемых реформ. Но, не говоря уже о том, что сама мысль о подобном проекте могла бы быть только свидетельством политического непонимания истинной психологии кремлевского "правительства", со стороны которого, по видимому, часть европейского общественного мнения совершенно однозначно рассматривает продолжение капитуляционных тенденций в некоторых, включая только в числе таких вельжеских выступлений, в действительности

W41/4E.

представляющих собой не что иное, как проявление паучьих уже до-
статочную известность Ланкинской системы "перемычки", - установление
подобного контроля, даже если бы и допустить, что оно могло бы быть
фактически достигнуто, таяло бы в себе опять-таки все достаточно
хорошо известная "интервенционная" опасность, создавая для советской
власти, с одной стороны, возможность каждый раз спекулировать на
патристическом, вполне естественном одиуме против всякого иностран-
ного контроля, со стороны русской адекватной массы, а с другой - открыва-
вая ей в высшей степени благодарную почву для постоянного, всякий раз
по какому/даже ничтожному поводу, апеллирования к европейскому "про-
летариату", который, таким образом, постепенно все больше и больше
втягиваясь бы в орбиту практической советской "работы", осуществляя
каль бы контроль над контролем со стороны своих правительств.

Есть, однако, одна, - быть может, единственная, - гарантия,
требования которой, даже если бы оно не получило бы осуществления
при весьма вероятном отказе от нее советской власти, имело бы, во
всяком случае, то весьма важное преимущество, что оно могло бы сразу
же осветить истинное положение явившейся вещи и, создав сразу же маску
с тех расчетов, какие может иметь советское правительство, выступая
на ее своих предложениях, не только ограждать этим иностранные пра-
вительства от опасности затяжных переговоров с ней, к ее выгоде
но, напро и в том, в случае ее отказа от этого требования, ее
невозможность скомпрометтировать его в глазах тех самых народных масс,
представителями которых оно все время себе называет.

Тем, кто имеет сведения о советской "конституции", должно
быть хорошо известно, в какой степени ее демагогический характер я-
вляется искусной маской того символического, которое осуществляет на
деле Совет "народных Комиссаров". В частности, быть может, за по-
длинной: Иосифи неизвестно, что, по букве советской "конституции" / по

я, кажется, 47-ой статьи, Совет Народных Комиссаров является все-
 [одно ответственным] перед тем органом верховной власти, какой пред-
 ставляет собой, в теории, "Съезд Советов". Фактически эта ответствен-
 ность, - свидетельствуя довольно неожиданно, о замысловатости пролетар-
 ского государства у "буржуазного" того самого начала парламентаризма,
 которое представляет собой главнейшую мишень для нападок со стороны
 пролетарского государственного права, - представляется, конечно, пустым и
 звуком, главнейшим образом, по той причине, что Съезд Советов, по
 буквальному смыслу "конституции", созывается "не менее одного раза в год",
 и на самом деле, благодаря такой предусмотрительной неопределенности тек-
 та конституции, не более одного раза в год и при том на съездохоро
 краткие сроки каких-нибудь 2-3-х дней. Факты свидетельствуют, однако,
 что даже и в этих условиях на последних съездах Советов, несмотря
 даже и на всю подогнанность их состава при советском "избирательном при-
 вѣ", все же находят себе место оппозиционное течение против "книжных
 вериг" суверенной России, и если бы представителю его не была стеснена
 невозможностью хоть сколько-нибудь организовать при 2-х или 3-дневном
 общении между собой, то едва ли могут быть сомнения в том, что деятель-
 ность такого оппозиционного организационного центра в среде самого же
"верховного органа" советской власти могла бы быть наиболее эффективным сред-
ством борьбы с оккупационным Лениным и Троцким: недаром они, которого
 понимая это, только в первое время своего влѣстования, пока революцион-
 ная мысль находилась еще на точке своего кипения, не боялись созывать Съезд
 Советов довольно часто, во всякому случае или к-нѣ принципиальному вопро-
 су, а не послѣднее время уже стали явно от этого воздерживаться.

Во всяком случае, неличность префекторов со стороны этого же
 кемлевского "правительства", обрѣкающего къ созыву Съезда Советов в
 моменты необходимости решить наиболее важные вопросы, создает какъ
 нельзя более благоприятную въ настоящем случае почву. Когда рѣчь идет о

79 47/17/4

Представляемъ собой совершенно исключительную принципиальную важность
вопросъ о признаніи старнхъ долговъ Россіи, единственно важнымъ и для нея
самоѣ, и для иностранныхъ правительствъ, какъ нельзя болѣе естественнымъ
и вполне законнымъ представляется со стороны этихъ послѣднихъ, перейти
тѣмъ, какъ приступить къ какимъ бы то ни было переговорамъ по этому поводу
съ иными индивидуальными носителями совѣтской власти, своего
недовѣрія къ которымъ она, къ тому же, никогда не скрывала, желаніе получить
нѣкоторую увѣренность въ томъ, что самъ русскій народъ, а не одна
только, по смыслу конституціи, его исполнительная власть, готова выразить
на это свою дѣйствительную волю. Поэтому, если бы, напримеръ, иностранная администрація, преле чѣмъ была
давать даже хотя бы какой бы то ни было отвѣтъ по существу на ноту Чиче-
рика, выдвинули требованіе о подтвержденіи выраженной въ ней готовности
къ признанію долговъ волеизъявленіемъ самого русскаго народа въ лицѣ
"законнаго", во всякомъ случаѣ хотя бы въ формѣ конституціи, верховнаго ор-
гана власти, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подоб-
ное требованіе не только не могло бы вызвать противъ себя какихъ-либо воз-
раженій, но, напротивъ того, даже и въ со стороны обвиняемыхъ крестьян-
скимъ "правительствомъ" народныхъ массъ оно могло бы быть принято только
съ сочувствіемъ. Какъ если бы при этомъ поставлены были требованія болѣе
прямого "интервенціоннаго" характера, напр., въ смыслѣ непремѣннаго созва-
нія съезда совѣтовъ на тотъ или иной, болѣе или менѣе прогласительный срокъ,
для того, чтобы они имѣли возможность всесторонне разобраться въ настоящемъ
вопросѣ, трудно допустить, чтобы такая "интервенціонность" могла возбуди-
сколько-нибудь одиозное къ себѣ отношеніе, если основное требованіе само
себѣбудетъ, дѣйствительно, высшей дѣльей удовлетворенія демократическому
чувству. Въ томъ случаѣ, при данныхъ условіяхъ не исключалась бы даже возмож-
ность проявленія техъ или иныхъ требованій объ обезпеченіи свободы вы-

50 4741/4 8.

ровых вообще усовершенствований советского кабирательного права.

хотя и не вступая при этом отнюдь на скользкий "интервенционный" путь навязывания инициативы советской России номинального народного представительства, а просто держась в пределах исключительно "дипломатической" заботы о том, чтобы в вопросе, касающемся признания долгов, иностранные правительства могли иметь уверенность, что им ^{нами} предложены ~~себе~~ выражение истинной народной воли. -

Потерять от осуществления предложения ^{его} здесь мысли ничего нельзя, а выиграть можно очень много. Силой из двух: или, - предполагая менее вероятное, - носители советской власти на подобное предложение согласятся, и тогда осуществление его, помимо того, что оно даст возможность иностранным правительствам не спешить с суждением по существу на ноту Чичеркина и разоблачиться в обстановке действительности, создасть, во вся-

ком случае, для кремлевского "правительства" немало хлопот, при необходимости считаться на съезде Советов с организованной оппозицией и слева, и справа на почве вопроса о том, остает ли, как вопрос о признании долгов, который, несомненно, должен влечь за собой обсуждение и, со стороны правительства, о власти, с другой стороны, советские люди, типа Чичеркина, и их ближайших соратников, и, наоборот, бороться с тем, что

был какой-либо другая, внутренняя опасность. Или же, если, как это наиболее вероятно, кремлевское "правительство" в той или иной форме,

под той или иной предлогом, идет на которых должна быть, конечно, заранее предвидена и с надлежащим пониманием для отражения, решится отклонить требование, о котором идет здесь речь, то этим не только сорвана будет маска того лицемерия, в каком оно, впрочем всего, прикрывается, выступая со своим предложением, свои внутренние глубокие расщелины, но также и избиты будут опасные заявления с ним иностранными правительствами: долгих витязных переговоров, и, наконец, самое главное, носители советской власти, в этом случае, несомненно, должны будут понести весьма крупный моральный и политический ущерб в глазах тех самых народных масс, того самого пролетариата, исполнителями воли которого они все время себя величают.